

РЕКВИЕМ

Евнею Букетову

1

Когда он умер,
Люди затаили
Дыхание, уйдя с тоской в себя...
В тумане ивы головы склонили
Над волнами есильскими, скорбя.

В кустах фазаны, вскрикивая зычно,
Казалось, тоже плакали о нем...
Земля стелилась мягче, чем обычно,
- Сподвижница в пути его земном.

Не верилось, что нет его на свете,
Столпа святой гражданской высоты.
Страдало всех большее на планете
О нем село родное - Баганты.

На Жалгызтау наважденьем свыше
Шли плачущие толпы облаков:
Преемника Сатпаева Каньша
Не стало по вине клеветников...

Не одинок Есиль был в нашей скорби –
Был Кокшетау ранен вестью той,
Каркаралы, рыдая, плечи сгорбил,
Померкло небо над Карагандой.

Забыть тот день казаху невозможно;
Преодолев Сары-Арки простор,
Гусиным криком, говором тревожным
Весть донеслась до заилийских гор.

«О Боже! Что за горькая кончина! –
Седой главой качнул Абая пик. –
В который раз достойнейшего сына
В народе губят плут и клеветник».

Угасших звезд неведома дорога...
Луна, как мать, в глаза мне смотрит строго,
И солнца шар колеблется, взойдя.
«Где брат твой славный?» - спрашивают оба.
Что им ответить?
Что моя особа
Сегодня значит в бездне бытия ?..

Суть нашей жизни зыбка и туманна,
Безмерен груз забот, гнетущих нас.
Не одного
Душою великана
Валила жизнь и прежде, и сейчас.

Тебя, мой друг, сгубило благородство,
И честность, и порядочность в борьбе.
Противников душевное уродство
Ты, как чуму, не подпускал к себе.

Был скромн, чист и в помыслах, и в слове,
Боролся - если только нападут.
Такую чистоплотность и здоровье
В народе нашем ангельским зовут.

Противник твой не обнажил кинжала,
Назвавшись другом, лик не обнажил.
Чернил в газетах,
Обнажая жало,
Но сам в тени, скрывая имя, жил.

Не одинок был он под черной маской –
Разнообразным было воронье
(Жестоко всех в конце карьеры адской
Их небо покарало за вранье).

И как ни лгал один,
Цареподобный,
И как ни клялся - я, мол, ни при чем, -
Останется он в памяти народной
Комичным, лицедейным ловкачом.

Ты верил в разум...
Слишком свято верил,
Чтоб изменять с политикой ему.
Что было медом тем, кто лицемерил, -
То было ядом сердцу твоему.

Ушел ты рано.
Без тебя настала
Пора иная, недругов губя.
Бой правды с кривдой время развязало За истину,
А значит, - за тебя.

Вступиться за тебя призвал в печати,
Я помню, Тажибаев Абдильда.
Ты счел, что это было бы некстати.
Кто знал об этом, кроме нас, тогда?

Друзей молчанье горько раздражало –
Какой урок потомки извлекут?
Как сердце схватки за тебя желало!
Какие муки нас теперь гнетут!

Кривить душой я в споре не умею
И не хотел держаться в стороне,
Но ты сказал:
«Оставь свою затею.
С глупцами спорить - глупо наравне».

У недругов, в земляческом их клане,
Талант и гений были не в чести.
Ты ж гордо шел тропой своих исканий
И бездарей не замечал в пути.
Влекли тебя вперед дела большие,
Не знал ты даже, кто твои враги, -
Все люди были для тебя родные,
А ложь и дразги - глупы и мелки.

Не зная, что родился великаном,
Ты жил, ведомый гением своим,
Не как поэт, родившийся смутьяном, -
Бесстрашный Аманжолов наш Касым.

«Большое море - кораблю большому», -
Я размышлял, бывало, о тебе.
Мне кажется, ты подражал Толстому,
А также Маяковскому в судьбе.

«Нас грубости доводят до инфаркта,
Никто еще не умер от похвал», -
Ты усмехался, признавая фактом,
Что льстец не меньше вреден, чем нахал.

Не с Гете ль вместе –
Чести раб и долга –
Ты истину глубокую постиг:
Что мудрецы обдумывают долго,
То дураки разрушить могут вмиг.

Завистники

Твой путь в науке горний
Прервать в борьбе открытой не смогли.
Ты умер,
Но твоих исканий корни
Глубоко в суть познания вошли.

3

Мы научились слезы лить посмертно
О тех, кого не сберегли, любя.
Стыжусь я,
Что с отвагой беззаветной
В суровый час не защитил тебя.

Стыжусь, что не являюсь исключением
Среди друзей, молчавших до сих пор.
Но, волю дав прорвавшимся мученьям,
Не отвожу я от бывшего взор.

От боли жгучей И невыносимой
Да вспыхнет правда ярче во сто раз!
Евней,
Тупым невежеством теснимый,
Ты мужества явил пример для нас.

И смерть твоя была для нас крушеньем,
Укором нашей совести была...
Отравленная нашим прегрешеньем,
Невнятной стала в честь твою хвала.

Но гулкое
Молвы народной эхо
Во все концы Отчизны разнесло
И то, кому, святой, ты был помеха,
И кто творил под черной маской зло.

Меня поныне боль гнетет и душит.
Мы в неоплатном перед ним долгу.
Ни слез из глаз, ни слов, томящих душу,
Сдержать, Евней, я больше не могу.

Я верю, что времен грядущих люди
Поймут, чья мысль глубока, чья мелка.
«Тот славен, кто родился на верблюде...»

Евнея дни – наш праздник на века !

Твои враги тебе желали горя...
Ах, как добить тебя хотелось им!
Ты зорю справедливости ускорил
В те дни паденьем гибельным своим.

Не видя, как их души обмелели,
Верх долго брали подлые глупцы.
Ты их терпел,
Но унижал на деле –
Резвитесь, мол, пройдохи и лжецы.

Поджала хвост шакалов скользких стая –
Им смерть твоя наделала хлопот.
Ум беззащитным на земле считая,
Хитрят лжецы –
И в этом их просчет.

Виденье недоумков изумило:
Умершего оплакивал народ,
Но над толпой душа его светила,
Свободная,
С неведомых высот.

Ты к нам спешил
Из будущего века,
Евней, наш друг, как в круг родной семьи. ...
Под черной маской умственный калека
Мелькнул в толпе –
И признан был людьми...

4

Учитель,
Дерзкий разумом ученый,
Был в трудностях ты непреборим.
Ты цель поставил:
«Угля камень черный
В нефть, как я полагаю, обратим».

Мечта чудесна...
Смелая догадка...
Как сын степей пришел в раздумьях к ней?
Великая ума с природой схватка,
Но ты готов –

На то ты и Евней.

Да, знали люди, кто такой Букетов,
В стране и далеко за рубежом.
Воображеньем он затмил поэтов.
Из угля нефть! До цели - сто секретов,
Но зависть режет недругов ножом.

Им невдомек,
Что Родине ученый -
Всей Родине стремится угодить.
Но он «чужак»,
И в луже желчи черной
Глупцы его готовы утопить.

Нефть из угля...
Все строго, все логично.
Но химик о стихах не забывал...
Чиновнику такое непривычно:
Поэзия и уголь - что первично?
Он морщился, трубил, негодовал.

Ах, добрые казахи!
Сколько жизней,
Святых и нужных для родной земли,
Вы, дети века, на родной Отчизне
От дел с улыбкой хитрой отвлекли!

Сколь горько ваше древнее уменье
Под вечным небом в стороне родной
Терпеть
Глупца над мудрецом глумленье,
Друг друга мерить меркой не одной !

Евней!
Парил ты в мыслях так высоко,
Так широко распахивал крыла,
Что жизнь твоя,
Угасшая до срока,
Тому опроверженьем не была!..

Твой славный путь
Мне ясного яснее:
В грядущее ты вел наш караван.
Уча, стремясь, стихи слагать умея,

Ты был на благо всем нам жизнью дан.

Пройдут года,
Минует непогода,
Жизнь защитит творцов нетленных благ
И маски черные сорвет со сброда
Виновников всех гнусных передряг.

В чести не будет больше очернитель,
Очистит время блеск звезды твоей,
Грядущего могучий попечитель,
Мой мудрый друг, бесценный наш Евней!

Подобно первой зелени весенней,
Стихи мои рождались о тебе.
Слагал я их,
Не думая о мщенье
Ничтожным пешкам в доблестной судьбе.

В несчастьи ты не был одиноким -
Беда всех чистых совестью роднит.
Не сломленным,
А гордым и высоким
Тебя людская память сохранит.
Порою нужно с нечистью сражаться...
Что значил твой отказ от битвы с ней?
Нам оставалось только ужасаться
Неизъяснимой выдержке твоей.

Кто видел, чтоб на травы среди лета
Валил из туч цветы губящий снег?
Ты умер... Кто ответит нам за это?
Молчит под черной маской человек...

Мы - не молчим,
Хоть нет нам оправданья...
Но прошлое таланта не мертво:
Ты, как Сатпаев,
Заслужил признание
Посмертно
У народа своего.

Чиновники в безвестности почили,
И тем в стихах я нынче окрылен,
Что мы сегодня к жизни возвратили
Немало славных судеб и имен.

«Он сильным был.
Какая ж злая сила
Его в конце дороги подкосила?» -
Друзья гадали, думая о нем.
Почуя миг кончины неминуемой,
Он замер, словно дерево, могучий,
И рухнул, как подрубленный, ничком.

Чем прогневил судьбу он, незлобивый,
Такой открытый и такой счастливый,
Опасности не видевший ни в ком?
Подумаю - и сердце замирает,
И снова горе душу раздирает
И к горлу подступает едкий ком.

Вершила свой круговорот эпоха –
Тот бедствовал, а этот жил неплохо,
Но зрела буря в обществе больном...
А он молчал, хоть и страдал, возможно,
Он, двери прикрывавший осторожно, -
Отшельник в мире радужном своем.

Разнесся громом миг его паденья,
Всех всколыхнул и всех привел в смятенье,
Всем в душу заронил печаль и страх.
Он, умерший без стога и без крика,
Всех напугал, от мала до велика, -
Вплоть до больших сановников в верхах.

Людская дурь и подлость ненасытны,
Им за убитых походя не стыдно,
Но, может быть, купавшийся в чинах,
Сидевший в кресле, как царек на троне, -
Молитвенно поднес к лицу ладони
И прошептал: «Прости меня, Аллах!..»

Buketov university